

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

УМНЫЕ РУКИ ЗАКАЗЫВАЛИ?

А. КУШНИР

Кушнир А.
Умные руки заказывали?

75 – 79

Учение и труд — это союзники, а не антонимы. Как школе заработать деньги? Технологичный ответ на этот важнейший вопрос — в статье опытного педагога и управленца.

Как школе заработать деньги? Основных, самых распространённых способа два: платные образовательные услуги и учебно-производственные бригады. Деньги, правда, получаются мизерные. По сравнению с началом 1990-х годов, когда всю прибыль разрешалось реинвестировать в педагогическую деятельность, нынешнее отношение государства к школе стало гораздо более жёстким: школы постепенно лишились целого ряда налоговых льгот, их обязали платить даже налог на прибыль.

Однако даже в таких алогичных, где-то абсурдных, условиях детский производительный труд принимает размах. Это о чём-то говорит! Объявляются конкурсы на лучшую систему привлечения в школы дополнительных средств; проводится обмен опытом по поводу того, какими способами можно добыть деньги на школьные нужды, не нарушая закона. Описываются разные варианты получения внебюджетных средств. Словом, педагоги спланируют вокруг проблемы, ведут разговоры о педагогике Дела и преобразовании жизни школы под знаком творческого, производительного труда.

Всё больше сторонников находит сегодня педагогика Дела, или трудовая педагогика. Появляются школы, в которых трудовая деятельность становится центром всей остальной. В них создаются условия для включения учеников в производственную деятельность, пересматриваются планы и программы, разрабатываются и внедряются проекты по обеспечению трудовой занятости всех детей.

У многих получается. Есть школы, чей доход от ученического производства достигает миллиона рублей в год.

И всё же по сей день «трудовая школа» вызывает у многих отторжение. Почему?

Уроков много. Дела — нет

Сегодня любой детский труд в России незаконен. Это грустно. Надо же было нашему школьному делу докатиться до состояния, когда главное содержание жизни каждого нормального человека — труд — буквально выпал из педагогических раскладов. Мы вынуждены теперь заново создавать инфраструктуру подлинного воспитания — значит, создать инфраструктуру дела. Как для школьников, так и для выпускников вузов. Ведь Дела — дела с большой буквы — вот чего нет сегодня в стране. Парадокс получается. Дел столько, что всем миром не перелопатить. А дела для молодёжи, мол, нет.

Мировая педагогическая мысль всегда вмещала в себя позицию «труд как воспитание». Френе, Дьюи, Штайнер... Одни создавали, другие моделировали производственное пространство. У нас — Макаренко, Шацкий, Венцель, Католиков. Ещё можно назвать десятка два фамилий. Педагогика Макаренко никогда, к сожалению, не была реализована. Ни один советский педагог её не смог реализовать. Потому что советская система воспитания не допускала к реальной педагогике человека самостоятельного, уверенного в своих силах, крепко стоящего на ногах. Существовал заказ на обезволивание населения огромной страны, на формовку управляемого индивида. И он выполнялся. Современная педагогика по инерции продолжает способствовать тому, что трудовой потенциал нашей молодёжи чрезвычайно низок.

Когда московских школьников просили ответить, с помощью чего можно достичь успеха в жизни, никто не назвал труд. Выигрыш в казино, найденный клад, счастливый случай. А трудиться никто не спешит.

Или другой пример: года три назад одно из государственных социологических агентств провело опрос среди подростков в возрасте от 13 до 16 лет. Выяснилось, что только 4% школьников связывают своё будущее с производством. Это при том, что средний возраст рабочего в России достиг 53–55 лет!

Как можно не замечать простой вещи: если человеку до 17 лет не дать возможности производственной деятельности, он и позднее не будет производить материальные ценности?!.. Вырастет культурный потребитель, и только.

От перегиба к перегибу

Из истории страны известно, что у нас всегда в той или иной форме существовало общественно-педагогическое движение за трудовую школу. Оно то набирало силу, то временами сходило на нет. К сожалению, сегодня и вовсе угасло. Или едва теплится. Добавлю: при том, что советская школа, от которой мы мало куда ушли, долгое время признавалась одной из самых сильных в мире, доля высококвалифицированного труда в промышленности активно падала при большевиках и продолжает снижаться сегодня. В глубинах нашей системы образования сложилась и действует технология глобальной инфантилизации граждан, выражающейся, в частности, массовой утратой молодёжью трудоспособности. Одной из причин является законодательное запрещение детского труда, полное отсутствие педагогически обустроенной инфраструктуры производственного труда в школе, а также каких-либо протекционистских мер государства по созданию такой инфраструктуры вне учебных классов. Вместо того чтобы законодательно закрепить за ребёнком право на добровольный и привлекательный труд, создать педагогически обустроенные «правила игры», уточнить понимание термина «эксплуатация детей», определить наихудшие её формы и ужесточить ответственность, мы долгие годы шли по пути общих запретов.

Основатели Советского государства, проводя законодательный запрет производственного труда до 16 лет, имели в виду благую цель — обеспечить счастливое детство, целиком посвящённое «свободному развитию» и учению. Но результат оказался противоположным. Дети и подростки лишились производственного опыта и социальной ответственности, лишились возможности развивать свои способности. У них остался один вид труда — учёба, когда научные знания не находят практического применения. Естественно, что такое учение в глазах огромного большинства школьников теряет смысл. По наблюдениям учителей, в классе набирается обычно 3–4 ученика, которые принимают труд. Из десяти девять его не любят. Каждый год из школ страны выпускается 3,5–4 миллиона юношей и девушек, поражённых этой болезнью. За 10 лет — 35–40 миллионов. На глазах одного поколения страна полностью заселяется людьми, не любящими труда. Уже в конце 60-х годов в стране среди рабочих в возрасте до 30 лет почти 50% составляли работники самой низкой квалификации. Так общество лишается важнейшего богатства — трудового мастерства.

Дети, подростки в какой-то мере всегда участвовали в производительном труде: в родовом обществе, в семьях крестьян, мастеровых, торговцев. Но с возникновением машинного производства применение труда несовершеннолетних приняло, скажем прямо, очень большие масштабы. Более того, эксплуатация детского труда стала чудовищной. Это не могло не вызвать возмущения рабочих и передовых людей. Но в 1930-е годы мы впали в другой перегиб, напроць уйдя от трудовой школы. Было «доказано», что труд мешает учению. Так многолетние грубейшие извращения идеи трудовой школы используются (и по сей день, кстати) для её дискредитации.

Какой смысл говорить о педагогическом обустройстве детского труда в санитарно-эпидемиологическом аспекте? Или в аспекте техники безопасности? Законодательно всё разрешили, нормы разработали. Только ведь в школьных мастерских должно стоять оборудование с повышенной защищённостью: ни руку засунуть, ни по голове получить. Но где взять эти цеха, это оборудование? Нет самого главного: нет инфраструктуры детского труда. Её создание потребует затрат, эквивалентных сумме на строительство ещё одной системы полного среднего образования. Та база, которая существовала, за последние двадцать лет исчезла. Чтобы создавать её заново, нужны средства. Они найдутся, если идеи трудовой школы будут рассматриваться на уровне государства. Если проблема будет решаться как крупнейший инвестиционный проект века. То есть — если произойдёт возврат к трудовой школе.

Учиться и снова учиться. Лишь бы не работать?

Сегодня первые противники трудовой школы — вы удивитесь — родители. «Я вам привёл ребёнка не для того, чтобы вы на нём пахали!» — такая примерно позиция. Мы как общество уже настолько переродились, что сама вывеска «Трудовая школа» вызывает отторжение у миллионов сограждан. У нас, похоже, для того и учатся, чтобы не трудиться. Если взять документы образовательного ведомства, то в них не прочесть ни одного слова о трудоспособности. Между тем отличник ПТУ и тягаться по трудоспособности с сыном комбайнера не может. Однако государство уповает, судя по всему, на ПТУ.

В наше время из педагогики почти полностью исключён производительный труд. Может быть, само понятие «производительный труд» надо пересмотреть? Думать не о тачке и лопате, а о хорошо организованном производстве чего-то. Например, концертная деятельность детей — это тяжёлый, я сказал бы, адский труд. Репетиции, концерты, гастроли... Производство услуг населению — как ни крути. А на уроке что?

В чём выражается его, так сказать, продуктивность, социальный эффект? Одно дело — дарить себя людям, делиться с ними мастерством и силами, совсем другое — получать отметки за вовремя и точно воспроизведённую цитату-аксиому из учебника.

Вообще учёными давно доказано, что психологическое содержание у «труда» и у «учёбы» в корне различно.

Однако эти мысли у педагогов-дидактов понимания не встречают. Увы! Заказа на трудоспособность у них нет. Скорее всего разработку темы детского производительного труда будут финансировать предприниматели, промышленники. У них настоящий кадровый голод, а молодёжи высококвалифицированной мало. И бизнес готов это оплачивать.

Сейчас энтузиасты находят лазейки для развития трудоспособности детей. Трудиться ребёнку нельзя, а вот обучаться профессии можно. В пекарском деле, например, можно не ставить ребёнка к трёхсотградусной печи, на тяжёлые участки. Есть и рецептурный участок, где знаниевая составляющая высока. Только сами по себе производственные практики педагогических проблем не решают. Развитие трудоспособности должно быть отдельной задачей. Тогда не только физкультурники и «троечники», но и «отличники» смогут руководить бизнесом.

Старшеклассник в роли тренера

Есть очень простые вещи. Например, ежедневная учебно-педагогическая нагрузка для старшеклассников. Начиная с 7-го класса, два часа в день старшие дети обязаны заниматься с малышами. Занятия по интересам — это, в сущности, два часа производственной работы. Спортивной, художественной, чисто производственной занятости. Эта разнонаправленная деятельность ребёнку будет всегда интересна. Допустим, семиклассник может легко тренировать целую команду пятиклассников. Вот вам, кстати, и частичное решение проблемы дефицита преподавательских кадров. И преодоление классно-урочных заупорков, когда каждый класс — глухая одновозрастная резервация.

Производственная занятость отличается от какой-либо другой. Есть колоссальная мощность воздействия труда конвейерного типа. Он обладает строгой логикой, каждое действие вытекает из предыдущего. Работа соседа готовит твою работу, и общий результат зависит от тебя так же, как от других. Это новый пласт отношений, очень нужный человеку. И в этом нет никакого разрушения творчества.

Форд изобрёл машинный конвейер и в 10 раз удешевил себестоимость одного автомобиля. Но ещё конвейер сделал многих уверенными: они стали способны участвовать в красивой и посильной работе.

Труд типа резьбы по дереву пробуждает уникальные природные задатки. Но и учит: жизнь человека состоит и из рутины тоже. Следует научить человека ощущать себя комфортно и в рутинной деятельности. Представьте себе человека, который ждёт конца рабочего дня, чтобы начать жить.

Под «производственной занятостью» многие понимают исключительно физический труд, причём малопривлекательный и тяжёлый. Это не так. Работает, например, ученическое переводческое бюро, оказывает услуги населению, зарабатывает и развивается. Купили несколько компьютеров, систему машинного перевода, подключились к Интернету, научились предлагать свои услуги и отстаивать свои интересы. Мало того, трудоустроили своих выпускников, ставших студентами. Или школьная экологическая служба, которая уже несколько лет по заказу комитета охраны природы осуществляет мониторинг состояния водоёмов... Нельзя сводить понятие школьного производства к грабкам и лопатам.

Не надо путать школу с бизнесом

Во-первых, мы не допускаем даже в сознание проблему полной нетрудоспособности нашей молодёжи. У нас нет исследований по психологии детского труда. А ведь это особая сфера. Потому что вопрос, поставленный вами, сугубо политический. Нет в стране заказа на трудоспособную молодёжь.

И второе: наши законодатели уже несколько созывов закручивают гайки на школьной автономии. Додумались: приравнивали хозяйственную деятельность школы, reinvestирующей прибыль в учебный процесс, по сути, восполняющей обязанности государства, к коммерческой деятельности предпринимателя, использующего прибыль для личного потребления и развития! Дошли до абсурда: школа вырастила кабанчика, скормила его детям, а теперь должна показать этого поросенка в хозяйственном обороте и заплатить государству с него налог.

